

Художник и цветы. Натюрморты Левитана

К.и.н., в.н.с. Чурюканова О.В.

Закрылся глаз нарцисса утром рано.
Раскрылась роза и бутон тюльпана.
Садовник в это утро встал чуть свет.
Сложил из роз невиданный букет.
Хосров Дехлеви (1253-1325)

Символ весны, олицетворение самого чистого и светлого на земле – цветы, воспевались поэтами еще в седой древности. Слепец тот, вторили они, кто не способен радоваться и удивляться этим волшебным творениям природы.

Радоваться и удивляться цветам всегда умели художники. В Древнем Египте колонны храмов всегда делали в виде пучков лотоса или папируса, а капители в форме готовых раскрытых бутонов. Старинные китайские и японские свитки донесли до наших дней живые краски давно истлевших пионов, глициний, лилий. Дань красоте цветов всегда отдавали и мастера цветочной миниатюры. Не будь цветов, бесконечно бы обеднело декоративно-прикладное искусство. А такие промыслы, как Гжель, Хохлома, Жостово вообще не существовали бы.

Одним из основоположников европейского цветочного натюрморта считается Ян Брейгель (1568-1625), живший в Нидерландах. Позднее, особенно со второй половины XIX века, многие живописцы все чаще обращаются к этому виду натюрморта. Ведь цветы дают возможность выразить всю сложность внутреннего состояния – спокойную созерцательность и философские раздумья, светлую грусть и бурную радость. Художник изображает цветы, а те рассказывают о художнике, его характере, отношении к жизни, к людям, себе самому. Способен ли он разглядеть подлинную сущность явлений, увидеть прекрасное в скромном, большое в малом. Все пробелы в обучении тотчас скажутся, как только график или живописец возьмется за изображение цветов. Тому же, кто мечтает стать настоящим мастером, цветы помогут развить вкус, овладеть профессиональной грамотой, дадут понимание законов формы, светотени, колорита, воспитают способность анализировать и обобщать.

Б.П. Липкин, ученик Левитана, вспоминал: «В мастерской Левитана после «леса» мы писали цветы, наша мастерская превращалась не то в оранжерею, не то в цветочный магазин. Каждая новая постановка была неожиданной: то это были папоротники, то серебристые листья бегонии, то роскошные азалии, белые с розовым, от которых не хотелось отвести глаз – так они были прекрасны. Левитан ставил цветы обычно совсем просто, прямо в горшках, как они стояли в оранжереях и магазинах; обилие их и простота придавали постановке особую, ненадуманную, живую прелесть. И опять полная свобода задания. После специально картинно поставленных натурщиков в классах эта свобода нами особенно чувствовалась и ценилась. На яркой окраске цветов, иногда более яркой, чем чистая краска, мы учились превращать сырую краску в живописный образ цветка. Левитан часто спрашивал: «А из чего сделаны ваши цветы, что это – бумага, тряпки? Нет, вы почувствуйте, что они живые, что налиты соком и тянутся к свету; надо, чтобы от них пахло не краской, а цветами». Выписывать чересчур Левитан не позволял, это лишает работу живописности. Но он требовал выявлять расстояние между цветами и их отношение к свету, а так как они стояли прямо на полу, то можно было писать и фронтально, и с боковым светом, и против света. Многообразие задач развивало наш вкус. Цветы жили, отцветали, зацветали вновь – это давало новые комбинации для композиции этюда».

Цветы можно рисовать и писать круглый год. Зимой – комнатные, а в марте и апреле подснежники. Потом загораются желтые огни калужниц, купавниц, одуванчиков... Далеко не все отдавали предпочтение роскошным розам, пышным пионам и георгинам,

изысканным гладиолусам. И. Шишкин, И. Левитан чаще всего изображали скромные лесные и полевые цветы – васильки, ромашки, одуванчики.

Натюрмортные работы сравнительно немногочисленны в творчестве И. Левитана, но те, которые мы знаем, поражают своей изысканностью, простотой и свежестью. «Если не считать сухо и ремесленно сделанных в молодости, в 80-х годах для заработка, натюрмортов с изображением дичи («Заяц», «Тетерев», «Утки», «Куропатка и тетерев»), которые вешались обычно в столовых в богатых домах, то до нас дошел только десяток собственно натюрмортов Левитана», - пишет А.А. Федоров-Давыдов. Однако, нам удалось насчитать около 30 натюрмортов Левитана. Они весьма интересны, в особенности на фоне слабого развития натюрмортной живописи во второй половине XIX в. После достижений в 20-40-х гг. (Ф.П. Толстой, И.Т. Хруцкий, венециановцы) натюрмортная живопись, по сути, заглохла. Крупные, ведущие художники ей не занимались, натюрморт стал уделом салонной или даже рыночной живописи. В тех же редких случаях, когда художники писали натюрморты не как этюды для своих сюжетных картин, они подходили к ним с позиций и восприятия того вида живописи, который был для них основным. В них не было собственно натюрмортного подхода. Так начинает свое обращение к натюрмарту и Левитан. Его этюды – «Опавшие листья» (для картины «Осенний день. Сокольники») и «Лопухи» (СОБР. А.В. Миткевич) – нельзя считать натюрмортами. Первый же известный действительно натюрморт – «Одуванчики» (1880-е гг., Чувашия) написан в старых традициях. С. Пророкова рассказывает: «Одним жарким июньским утром Левитан вернулся без написанного этюда, но с букетом одуванчиков. Желтые лепестки уже опали, и оставалось лишь легкое оперение этих неприметных цветов. Сколько ног затаптывало их при дороге! А художник поднял их и бережно принес домой, боясь дышать, чтобы не сдуть пушок. Он очаровался самым хрупким, беззащитным и поруганным созданием и проникся к нему участием. А потом написал букет одуванчиков в простой глиняной крынке. Всю нежность вложил Левитан в эти зыбкие стебельки и легкий ореол, могущий через минуту осыпаться». Натюрморт «Одуванчики» представляет собой изображение букета цветов в глиняном горшке, помещенного в относительно реальном пространстве, а не на фоне. И горшок с его бликами на поливе и цветы в одинаковой мере тщательно выписаны. Художник отлично передал цветы, их нежную хрупкость, тонкость, особенно пушка одуванчика, но он еще не видит их специфической декоративной прелести и выразительности.

Декоративную прелесть и нежность цветов, их специфику как предмета живописного выражения можно увидеть в написанном пастелью натюрмorte «Сирень» (1893-95, собр. Т.В. Гельцер). Пышные гроздья сирени здесь уже и композиционно играют основную роль, им подчинены и изображения горшка и передача пространства. Это не столько пространство, в котором можно поместить горшок с букетом, сколько фон, на котором эффектно вырисовываются и подчеркиваются в своем цвете кисти сирени. Левитан превосходно использовал технику пастели, ее мягкую бархатистость для передачи кистей как больших белых пятен, как бы составленных из мелких звездочек цветов. Цветы хорошо оттеняет листва как переход к фону. В натюрмorte сказываются большие живописные достижения Левитана к этому времени: он превосходно передает сочетания форм. Эта картина была написана в тверской губернии в имении Ушаковых.

Летом 1894 г. Анна Турчанинова приехала с тремя дочерьми в свое имение Горка, и узнав, что рядом у Ушаковых живет известный художник, взяла старших дочерей и поехала знакомиться. Это знакомство обернулось для Левитана страстным романом с очаровательной, умной и образованной Анной Николаевной. Его привычная меланхолия отступила, и в знак благодарности он подарил всем Турчаниновым свои работы, среди которых были пленительные васильки, предназначенные старшей дочери, Варе: «Сердечному, чудному человеку В.И. Турчаниновой на добрую память. И. Левитан. 1894».

То же натюрмортное решение мы видим и в натюрморте «Букет васильков» (1894, собр. Т.В. Гельцер), где цветы занимают почти все пространство листа, то есть не только сюжетно, но и живописно-композиционно являются предметом изображения. Хорошо проработаны голубые, темно-голубые и почти синие оттенки васильков, вплоть до выцветших, почти белых. Красиво и сильно написаны не только цветы, но и горшок с его желтизной и зеленоватыми тенями. Художника интересовала задача чисто натюрмортная – передать, как расположены цветы в букете, то есть внутреннее пространство внутри самого этого букета. Нейтральный фон, темно-коричневый сверху, светлеет и становится голубоватым внизу, увязываясь в общую гамму. И это уже не горшок с цветами, а единый натюрморт.

Все это развивается и в натюрморте «Белая сирень» (1895, Омский областной музей изобразительных искусств), снова выполненном пастелью. Здесь еще лучше переданы и пушистость сирени, и эмаль вазы, в своей вытянутой вверх форме хорошо скомпонованной с раскидистым букетом, его кистями и листьями. Букет и ваза образуют единое целое красивой формы, понятой художником в ее декоративной выразительности. Едва намеченная сильными мазками пастельного карандаша, плоскость стола внизу сливается с темным фоном и не создает впечатления углубленной пространственности. Эта картина была написана в Тверской губернии, где Левитан жил в имении Ушаковых. Он поселился со своей ученицей Софьей Кувшинниковой в господском доме, где был большой зал с колоннами и роялем, но несмотря на роскошь внутреннего убранства, дом выглядел заброшенным. Хозяева жили в пристройке, а сад напоминал огромный куст сирени в полном цвету: белая, фиолетовая. Ее аромат заполнял комнаты и окутывал того, кто проходил по заросшим дорожкам.

В то лето Левитан написал много цветов, среди них «Астры» - подарок Соне Турчаниновой с дарственной надписью: «С.И. Турчаниновой – Левитан на добрую память 17 сентября 94 г. Островно», «Георгины», «Колеус», «Пионы», «Розы». По благородной простоте и изяществу, колористической тонкости и одухотворенности натюрморты Левитана практически не имеют себе равных в русской живописи второй половины XIX в. В европейском искусстве они наиболее родственны натюрмортам позднего Э. Манэ. Многие работы Левитана в этом жанре вообще трудно назвать «Мертвой натурой», настолько в них ощущается не просто наслаждение художника красотой форм и окраской цветов, но «уважение» к ним, чувствуется, что для него цветы «живые, налиты соком, тянутся к солнцу». Особенно трудно назвать натюрмортами в обычном смысле этого слова этюд и картину «Ненюфары» (1895, Областная картинная галерея им. Б.М. Кустодиева. Астрахань). В них Левитан крупным планом «портретирует» водяные лилии, цветы и блюдечки-листья, которые плавают по поверхности воды, а тонкие грациозные ножки-нити уходят в прозрачную золотистую глубину.

Чтобы написать их Левитан отправлялся на озеро вместе с Аней Турчаниновой или Люлю, как называли ее в семье, девочка носила краски, иногда гребла, оберегая здоровье художника. А тот был очень воодушевлен: «Работаю такой сюжет, который можно упустить. Я пишу цветущие лилии, которые уже к концу идут». Картину Левитан дописал в мастерской по горкинским этюдам, отдав ей немало часов. Показанная на Передвижной выставке 1896 г. эта картина приводила зрителей в недоумение: водяные лилии казались принадлежащими кисти педанта, хладнокровно штудирующего натуру. Работа вызвала много восторженных отзывов тех, кого прежде пугала широкая смелая кисть Левитана: «Листья хороши до полной иллюзии: кажется, что их загнутые углы действительно выступают из плоскости картины, и невольно подходишь к самой картине для того, чтобы удостовериться в том, что подобно другим она написана в одной плоскости», «Листы лилий, выписанные с такой восхитительной иллюзией, что некоторые зрители незаметно щупают картину. Это простой каприз, но славной кисти». А как могло появиться на свет такое «благоразумное» полотно? Просто Левитан «ответил» таким образом всем, кто обвинял его в излишней широте и обобщенности письма. Он показал, что писать «как

настоящее» может, но не хочет, потому что настоящее искусство не в этом. Очень хорошо сказал об этом Ф. Шаляпин, вспоминая о своих встречах с Левитаном: «Чем больше я видался и говорил с удивительно душевным, простым, задумчиво-добрым Левитаном, чем больше смотрел на его глубоко поэтические пейзажи, тем больше я стал понимать и ценить то большое чувство и поэзию в искусстве, о которых мне толковал Мамонтов». «Протокольная правда, - говорил Левитан, - никому не нужна. Важна ваша песня, в которой вы поете лесную или садовую тропинку».

Пучок лесных фиалок и незабудок написан Левитаном так, что вы словно ощущаете острый, терпкий запах фиалок и сырость влажных стеблей незабудок. Трогательный натюрморт был написан в Плесе, на речке Шохонке, где пропадал художник, любясь ее быстротекущей водой, глубокими омутами у запруд, поросшими лесом берегами. Фиалки и незабудки, замеченные Левитаном, растут в сырых, тенистых лесах, вдоль ручьев и в болотцах, на сыроватых лесных полянах, сейчас, увы, редкие и исчезающие цветы. В своих натюрмортных работах Левитан достиг того идеала, о котором писал Е. Баратынский, и к которому стремился сам художник:

*С природой одною он жизнью дышал:
Ручья разумел лепетанье,
И говор древесных листов понимал,
И чувствовал трав прозябанье;
Была ему звездная книга ясна,
И с ним говорила морская волна...*

Левитан разговаривал с природой на одном языке, а она художнику отвечала всегда большой любовью. Говорят, что в 1900, когда уходил из жизни смертельно-больной Левитан, в природе творилось что-то необычайное, словно она устроила пышное прощание своему Певцу. В саду второй раз тем летом зацвела сирень, ее аромат врывается в открытые окна и напоминает художнику о тех днях, когда он писал любимые цветы. Глядя на гроздья сирени, заглядывающие в окно, Левитан признался: «Я много выстрадал, многое постиг и многому научился», во многом благодаря природе.

Литература.

1. С. Проркова. Левитан. – М., 1960.
2. «Юный художник», № 1, 1989.
3. В. Петров. Левитан. – С.-Пб., 1993.
4. А.Федоров-Давыдов. Левитан. Жизнь и творчество. – М., 1973.
5. И.И. Левитан. Письма. Документы. Воспоминания. – М., 1956.

Список иллюстраций.

1. И.И. Левитан. Белая сирень. 1895. Бум. паст. 61,5х53. Омский ОМИЗО.
2. И.И. Левитан. Букет васильков. 1894. К. паст. 62,3х47,7. Част. собр. Т.В. Гельцер. Москва.
3. И.И. Левитан. Васильки. 1894. Бум. паст.
4. И.И. Левитан. Колеус. 1894. Бум. паст. 50х64,5. Башкирский музей им. М. Нестерова.
5. И.И. Левитан. Лесные фиалки и незабудки. 1889. Х.м. 49х35. ГТГ.
6. И.И. Левитан. Ненюфары. 1895. Х.м. 95х128. Астраханская ОКГ им. Б. Кустодиева.
7. И.И. Левитан. Одуванчики. 1889. Х.м. 59х42,5. Чувашская худ. Галерея.
8. И.И. Левитан. Пионы. 1890-е гг. х.м. 49,1х60,7. Собр. Крылова, Москва.
9. И.И. Левитан. Розы. 1894. К.м. 25х33,5. Похищена из собрания Дома-музея И.И. Левитана в Плесе.
10. И.И. Левитан. Сирень. 1893. Бум. на к. паст. 59х48. Собрание Т.В. Гельцер. Москва.